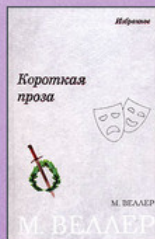

Михаил Веллер

Правила всемогущества

Часть сборника
Короткая проза (сборник)

Михаил Иосифович Веллер
Правила всемогущества
Серия «Короткая проза
(сборник рассказов)»
Серия «2. Реал.», книга 4

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144478*

Аннотация

«„Что бы я сделал, если бы все мог“.

– А вы?

Мефистофель с хрустом ввернул точку:

– А я могу больше: одарить этим вас. – Он отер мел и обернулся к ученикам: – Соблазняет? Прошу дерзать!..»

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Михаил Веллер

Правила всемогущества

* * *

«Что бы я сделал, если бы все мог».

– А вы?

Мефистофель с хрустом ввернул точку:

– А я могу больше: одарить этим вас. – Он отер мел и обернулся к ученикам: – Соблазняет? Прошу дерзать!..

Тема была дана.

Здесь надо пояснить, что Мефистофеля вообще звали Петром Мефодиевичем. Или Петра Мефодиевича звали Мефистофелем? как правильно? Велик и могуч русский язык; не всегда и сообразишь, что в нем к чему. Валерьянка вот не всегда соображал, и скорбные последствия... простите, не Валерьянка, а Вагнер Валериан. «Школьные годы чудесные» для слабых и тихих ох не безбедны, а еще дразнить – за какие ж грехи невинному человеку десять лет такой каторги.

Но – о Петре Мефодиевиче: он здесь главный – он директор средней школы № 3 г. Могилева. А по специальности – физик. Но любит замещать по чужим предметам.

Прозвище ему, как костюм по мерке: черен, тощ, нос орлом, лицо лезвием – и борода: типичный этот... чертик с

трубки «Ява». Но это бы ерунда: он все знает и все может. Поколения множили легенду: как он выкинул с вечера трех хулиганов из Луполова; как на картошке лично выполнил три нормы; как по-английски разговаривал с иностранной делегацией; а некогда на Байконуре доказал свою правоту самому Королеву и уволился, не уступив крутизной характера.

Петр Мефодиевич непредсказуем в действиях и нестандартен в результатах. Когда Ленка Мацилевич нахамил химозе, Петр Мефодиевич сделал ему подарок – книгу о хорошем тоне, приказав ежедневно после уроков сдавать страницу. К весне измученный, смирившийся Мацыль взмолил, что жизнь среди невежд губительна, а станет он метрдотелем в московском ресторане.

После его урока географии Мишку Романова вынули в порту из мешка с мукой: он бежал в Австралию. Замещал историчку – и Валерьянка всю ночь рубился с римскими легионами; проснулся изнеможенный – и с шишкой на голове!

На Морозова только полыхнул угольными глазами, и Мороз зачарованно выложил помрачающие ум карты; он клялся, что действовал под гипнозом, оправдываясь дырой на том самом кармане, прожженной испепеляющим взором Петра Мефодиевича.

А однажды у стола выронил фотографию, а Генчик Богданов подал: так Генчик уверял, что на фотке молодой Петр Мефодиевич в форме офицера-десантника и с медалью.

Вследствие вышеизложенного Петр Мефодиевич титуловался заслуженным работником просвещения и писал кандидатскую по педагогике с социологическим уклоном; ныне модно. И ему необходимо набирать материал и личные контакты по статистике. (Опять я, кажется, неправильно выражаюсь.)

Теперь понятно, почему Мефисто... простите, Петр Мефодиевич обломал кайф классу, праздновавшему болезнь русачки срывом с пятого-шестого сдвоенных русск. яз-а и лит-ры. Петр Мефодиевич нагрянул лично, пресек жажду свободы и дал взамен свободу воображаемую в рамках педагогики: ход, высеченный мелом на влажном коричневом линолеуме доски.

– Почему нерешительность? М? Чего боимся? – подтолкнул Петр Мефодиевич.

Класс вперился в доску. Сочинение на свободную тему: искус и подвох... Школа – она приучит соображать, прежде чем раскрывать рот, будьте спокойны. С этой задачей она справляется неплохо. Некоторые так вышколены, что потом всю жизнь... но мы отвлекаемся.

«Что сделал, если б все мог», – хо-хо! Эх-хе-хе... Так им все и скажи: нашел дурных. А потом кому диссертация, а кому колония для малолетних? Класс поджался и замкнул души.

– Писать донос на себя самого? вот спасибо, – суммировал общественное подозрение скептик Горявин. – Милые идеи у

вас, Петр Мефодиевич.

«Я еще мал для душевного стриптиза», – пробурчал коротышка Мороз. А Олежка Шпаков успокоительно поведаль: – Я, если б мог, вообще бы ничего не делал.

Свалившаяся вседозволенность озадачивала неясностью цели: одно – стать отличником, чтоб они все отцепились, а другое – превратить недостатки настоящего в цветущее будущее.

– Тяжкая стезя? – ехидно посочувствовал Петр Мефодиевич. – Морально не готовы? Или – не хочется?..

– Все – это сколько? В каких пределах? – осведомился вдумчивый Валерьянка, Вагнер Валериан, и показал руками, как рыбак сорвавшуюся рыбу: широко, еще шире, и вот рук уже не хватает.

– Все – это все, – кратко разъяснил Петр Мефодиевич, взмахнув рукой вкруговую. – Ни-ка-ких ограничений. – Он гордо выпрямился: – Я освобождаю вас от химеры, именуемой невозможностью.

Освобожденный от химеры класс забродил, как закваска.

– Напишем чего думаем, а потом ваша наука не туда зайдет, – посочувствовала пышка-Смеякова.

– А отметки ставить будете?..

– А без этого нельзя, – соболезнующе сказал Петр Мефодиевич.

– Э-э... – укорил Курочков, прославленный изобретатель самопадающих в двери устройств. – Удобная позиция: не

ограничивать нас ни в чем, чтоб мы себя сами ограничивали во всем.

– Отметки пойдут не в журнал, а в мою личную тетрадку, – обнадежил Петр Мефодиевич, улыбаясь провокаторски.

– Час от часу не легче, – отозвался из-за спин спортсменов Гордеев.

– А фамилий можете вообще не ставить, – последовал сюрприз. – Это для меня роли не играет...

О?! Класс взревел, словно у него отлетел глушитель. Отчетливо запахло счастьем, свободой; возмездием.

А Петр Мефодиевич, погружаясь в огромную черную книгу с иностранным названием и физическими формулами на обложке, подтолкнул:

– Вы всемогущи! То, о чем всегда мечтали люди – дано вам!

Дотошный Валерьянка снова потянул руку:

– А это всемогущество – предоставляется нам всем? Или как будто мне одному?

– Только тебе, одному на свете за всю историю. Решайся! – второй такой возможности не представится никогда.

А не писать можно, опасливо хотел спросить Валерьянка... но жалко упускать такую возможность... И только поинтересовался:

– А – как же все? Остальные?

– Этого вопроса не существует, – отмел Петр Мефодиевич. – Нет остальных, – вскричал он. – Есть только ты, все-

могущий, который сам все делает и сам за все отвечает.

Он потряс черной книжкой, извил пасс худыми руками, кольнул бородкой. «Гипнотизирует», – суеверно подумал Валерьянка и успел сравнить угольные глаза с пылесосом, всасывающим его.

И неожиданно улыбнулся, принимая условия игры – как бы открывая их в себе: да, он всемогущ. Он: один. Здесь и сейчас.

И очень просто.

Он покачнулся и сел.

И посмотрел на белый прямоугольник – раскрытый лист...

Лист был чист и бел. И в то же время неким внутренним зрением он словно провидел на нем абсолютно все. Ему осталось только сделать это. В смысле написать. В смысле – это означало одно и то же.

1). Начнем с яйца (вареного или жареного?): прежде всего Валерьянка элементарно хотел есть. Последние уроки, вот и подсасывало. Аж желудок скрипел, как ботинок (кстати, их тоже ели, только варить долго).

На обед предполагались котлеты с картошкой и борщ, но тут уж Валерьянка щадить себя не стал. Он угостился шоколадным тортом и закусил его ананасом (интересно, каковы на вкус эти ананасы?). Желудок застонал в экстазе, и голодный чародей охладил его дрожь двумя порциями пломбира. Какое легкомыслие – две! Двенадцать! А если бефстроганов

смешать с вишнями и залить какао, что выйдет? – блюдо богов! Жаль, что их нет и они этого не знают.

Нет грез слаще, чем гастрономические грезы голодающего. Как говорится, жизнь крепко меня ударила, но сейчас я ударю по жратве еще крепче. Валерьянка зарылся в яства, как роторный канавокопатель: он давал сеанс одновременной жратвы.

Черствая жизнь обернулась своей съедобной стороной. Вместо супов и каш были семечки. В полях самовыкапывался картофель фри в масле, а на лугах паслись бифштексы. Конфетные города шумели лимонадными фонтанами. С домов отваливались балконы из пирогов, водопровод плевался компотом, а в унитазе... э, стоп, это чересчур.

В газетных киосках давали варенье. Школьный буфет награждал пирожным в компенсацию за каждый отсиженный срок урока. Арбузы и персики катились по улицам, тормозя перед светофорами. Мармеладный милиционер в шоколадной будке махал копченой колбасой.

– Дорогу жиртресту! – скомандовал милиционер, и Валерьянка обмер и провалился. Верно – он стал «плечист в животе»: он был просто приделан к этому дирижаблю, а где застегивались брюки, торчало опорное колесико, как у самолета. Где-то внизу переступали, с натугой толкая вес, нечищенные (не достать!) ботинки... Правда, мороженое вызвало хроническую ангину, избавившую от школы, но не такой же ценой... а если вместо этого гланды вырежут?..

Его дразнили на улице и лупили во дворе. Спасибо вам за такие возможности!

2). Прожорливый волшебник закручинился. Мочь все – занятие не для слабых: шагнул шаг – и последствий не оберешься...

Скажем, еда: возьмется ниоткуда – или все же откуда-то? Если да – то откуда? А вдруг там после этого голодают? и ОБХСС ищет... Тень тюремной решетки пала на веер кошмарных картин:

Арбузная бахча укатилась на север, и сторож продает свое имущество – шалаш, берданку и пугало, покрывая убытки. Продукция кондитерской фабрики испарилась в неизвестном направлении, но клятвам директора вторит саркастический смех прокурора. Магазин пуст, и денег в кассе, естественно, не прибавилось: ревизия вызывает конвой.

Ничего себе закусили. Теперь требуется какое-то сверхмогущество, чтобы вызволить невинных из скверных ситуаций...

Может, лучше всем за все платить? Но тогда – кому, сколько, а главное – чем?.. на такую диету мама с папой отреагируют касторкой и клизмой в лучшем случае, но не карманными деньгами – на его аппетит их зарплат не хватит.

Еда должна браться ниоткуда – это решит массу трудностей. Порядок возможен при одном условии: чтобы все делалось из ничего.

А есть явно или тайно? Тайно – нехорошо, явно – еще ху-

же: могут занести в Красную книгу и в зоопарк, как достопримечательность.

Ясно одно: толстеть отменяется. Проблему питания лучше всего решить таким образом, чтобы вообще не есть, но всегда быть сытым. А на фига такое всемогущество, если даже не поест толком?..

А если потечет пироговая крыша? Вода-то ладно, подставил таз и порядок, а варенье потечет? это замучишься потолок облизывать.

Благое предприятие рушилось девятым валом проблем. Всемогущество требовало продуманности и организации. И оно было организовано: Валерьянка придумал

Первое правило всемогущества

Что бы ни делалось – это хорошо, и ничего плохого не будет.

И, упорядочив этим всеобщий хаос, переключился на следующую страницу славных деяний, где

3). в подъезде его по обычаю приветствовал падла Колька Сдорилов из 88 квартиры: в зад пинок, в лоб щелбан: «Привет, Валидол!».

Пусть победит достойный (хоть раз в жизни)! Изящная поза, легкое движение, и – поет победная труба, воеет «ско-рая», спешат санитары, связку гипсовых чурок задвигают в машину: поправляйся, Коля, уроки я тебе буду носить.

– Всех не перебеешь! – доносится мстительно из-под гипса.

– Перебыю, – холодно парирует Валерьянка. – Рубите мебель на гробы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.